

Н.В. КОРОВИЦЫНА

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ В ЛИЦАХ: "ПРОСТОЙ" ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕК "ОБРАЗОВАННЫЙ"

КОРОВИЦЫНА Наталья Васильевна - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Осмыслить содержание и последствия двух "модернизирующих трансформаций", пережитых Россией в **XX веке, позволяет типологически** близкий сравнительный опыт стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Две радикальные смены общественных систем и геополитических ориентиров неотделимы там от ускоренного перехода от традиционализма к индустриальному, городскому строю жизни, к модерну и к зарождающемуся постмодерну. Эта совокупность процессов составила восточноевропейский путь развития, включающий ранне-, средне-, и постсоциалистический этапы. Первые два из них связаны с преодолением основных цивилизационных барьеров между Восточной Европой и современным миром: с промышленной революцией и революциями урбанистической, или городской и образовательной. Нынешнего восточноевропейского человека - независимо от его социально-образовательного статуса - отделяет от доиндустриального, преимущественно крестьянского прошлого, как и нашего соотечественника, как правило, не более одного-двух поколений.

Массовая мобильность населения, ее пик - рубеж 1940-1950-х гг., имела для восточноевропейского общества системообразующий характер. Важнейшим результатом межцивилизационного по значению перехода стран региона к обществу индустриального типа стало формирование рабочего класса. Вместе с интеллигенцией он составлял два основных, специфических для данного региона и общественной системы компонента новой социальной структуры. Рабочий класс можно считать главным итогом первого этапа восточноевропейского пути, интеллигенцию - второго.

Социокультурный облик восточноевропейского рабочего класса формировался под влиянием несоответствия динамики уровней индустриализации и урбанизации. Отставание роста городского населения от увеличения занятости в промышленности было характерно для региона и в досоциалистический период: в межвоенные годы здесь возник социальный слой, сельское место жительства которого сочеталось с работой на городских предприятиях. В условиях ускоренной индустриализации этот слой становился все более характерным для восточноевропейского села. Так, городское население в 1970 г. в Венгрии составляло 45%, а несельскохозяйственное - 77% [1, р. 67]. Всего четверть экономически активных занималась сельским трудом, но более половины их жило в деревнях [2, р. 22]. Ко времени окончания индустриализации восточноевропейское село стало преимущественно "рабочим". Село - по сути место формирования рабочего класса.

Большинство сельского населения было занято в промышленности, но заработки от индустриальной деятельности дополнялись доходами от аграрного производства, труда на приусадебных участках и наоборот. Широко распространились смешанные, рабоче-крестьянские семьи и домохозяйства. Таким образом, рабочий класс Восточной Европы отличала ярко выраженная переходность, или маргинальность - социального положения и способа существования, рода деятельности и интересов, состояния сознания и системы ценностей. Слой с двойным социальным статусом, не будучи рабочим классом в классическом понимании, был "посткрестьянским", промежуточным между обществом аграрного типа и индустриальным. Сформировавшись на первом этапе модернизации, социалистический рабочий класс и к концу второго его этапа (1980-е гг.) сохранял близкую к крестьянской природу. На протяжении всей второй

Тема статьи подробно рассмотрена в кн.: *Коровицына Н.В. С Россией и без нее: Восточноевропейский путь развития.* М.: ЭКСМО: Алгоритм-Книга. 2003. 284 с.

половины XX в. в большинстве стран региона не ослабевали тесные взаимосвязи и взаимопроникновения рабочей и крестьянской, промышленной и сельскохозяйственной, городской и сельской популяций.

Другая особенность восточноевропейского пути развития в том, что темпы роста уровня образования и квалификации, продвижения по социально-профессиональной лестнице ощутимо превосходили темпы увеличения зарплат. В результате широко распространилось явление статусной несогласованности, несоответствия культурных и материальных параметров, прежде всего, у интеллигенции [3]. Зависимость между образованием и доходами в 1970-е годы даже приобрела тенденцию к сокращению, став причиной недовольства быстро растущего образованного класса. Общественно-политические кризисы в странах региона, начиная с 1968 г. и поныне, в сущности, порождены углублением этого несоответствия. Сдерживала его на раннесоциалистическом этапе атмосфера свободы социального достижения: крестьянин получил реальную возможность превращения в рабочего, горожанина и интеллигента. Массовое ощущение "восхождения" по социальной лестнице и ожидание его продолжения отгеснили на второй план материальные, потребительские ценности. Но приоритет нематериальных стимулов труда и ценностей профессиональной самореализации сохранялся у рабочих лишь в годы индустриализации. Позднее субъективная значимость фактора оплаты труда была обратно пропорциональной уровню образования. В 1970-е годы только высококвалифицированные специалисты, еще настроенные на продолжение восходящей мобильности, считали материальный фактор не самым важным [4, p. 514].

Если история формирования и распада рабочего класса характерна для биографии "отцов", первой генерации "великих перемен" (старшего поколения), то история интеллигенции отражена в жизненных путях "детей" (среднего поколения), - второй генерации людей той эпохи. Интеллигенция, которую иногда считают "продуктом восточноевропейской отсталости" [5, p. 237], всегда обладала элитарным статусом в странах региона. Она заняла социальные позиции буржуазии, сохранив ментальность аристократии [6, p. 35]. Деление на работников физического труда ("простых" людей) и образованный слой традиционно доминировало в "дворянских культурах", прежде всего - польской и венгерской. Оно существовало и у балканских народов, у которых историческим выразителем национальной традиции выступало крестьянство.

Менталитет крестьянина и рабочего ближе к современной промышленной цивилизации по сравнению с интеллигентским [7]. Тем не менее, последний был многократно воспроизведен во второй половине XX в. восточноевропейской моделью развития, типом модернизации, получившей название консервативной, но отличающейся впечатляющими масштабами социально-образовательной мобильности. "Новая", "вышедшая из народа" интеллигенция поразительно быстро усваивала ценности "старой", воспроизводя ее ориентации, модели поведения [8, p. 619]. Уже на ранних этапах социалистического строительства стало ясно, что попытка создать интеллигенцию с рабоче-крестьянским сознанием не удалась [9].

Наряду с господствовавшей в 1950-1980-е годы "дворянско-интеллигентской" моделью социального достижения через получение высших уровней образования, крепла ориентация на рост потребления, не опосредованный повышением профессионально-образовательного статуса. Такой тип достижения возобладали позже, в условиях либеральной модернизации 1990-х годов. По утверждению польских специалистов, раньше всего он распространился среди рабочих [7, s. 29]. Движение на "входе" и "выходе" из рабочего класса на протяжении второй половины XX в. шло особенно интенсивно, ослабляя связи поколений, рождая неопределенность мировоззренческих ориентиров и восприимчивость к внешним воздействиям.

Важнейшими ценностями восточноевропейского общества являются "образование" и "равенство". На протяжении четырех послевоенных десятилетий они предопределяли повседневную жизнь и сознание людей. Всеобщее, доступное, даже обязательное образование было важнейшим шагом в реализации принципов социального равенства. Это не противоречило традиции региона: от интеллигенции всегда ждали соединения посланничества и профессионализма в осуществлении двух миссий - национальной и модернизационной [10]. Интеллигенция наследовала не только социальную роль, престиж и культуру дворянства, но и идеологию "дворянской демократии" с ее верой в то, что экономические различия второстепенны, с акцентированием равенства [11]. Общественное развитие периода социализма строилось как "восходящее выравнивание" статусных характеристик по образовательно-квалификационному принципу. Это соответствовало теории и практике эволюции общества к современности, минуя капиталистическую стадию.

Во втором послевоенном поколении формируется интеллектуальная элита, отличительной чертой которой в восточноевропейском обществе явилась, как ни парадоксально, повышенная массовость. Возникла своеобразная, не имеющая аналогов система. В ней место человека в социальной иерархии определяется не "благородным происхождением", но и не "деньгами" или "собственностью". Общество обладает фактически двучленной структурой, включающей интеллигенцию и рабочих (включая занятых в сельском хозяйстве).

Однако на втором этапе восточноевропейской истории, с середины 1970-х годов, аскетические образцы потребления периода мобилизационного социализма, как и господствовавшая ориентация на равенство потребительских возможностей, теряли силу. Переход к обществу массового потребления преобразил повседневность прежде всего "простого" восточноевропейца: широкие возможности роста материального благосостояния открылись человеку, не только пережившему социальные перемещения, но и лишенному в результате их многих нравственных основ жизни.

С завершением "раннего" социализма и переходом к его "поздней" вариации ("домашнему социализму") увеличилась продолжительность и значимость свободного времени. Центр тяжести труда "простого" человека сместился из общественного производства в домашнее хозяйство. Благоустройство домохозяйств отнимало все больше времени и средств. Появление теневой экономики предоставило реальную перспективу дополнительных заработков, давших ощущение независимости и в корне менявших стиль жизни. Возросли доходы и от сельскохозяйственного производства: почти половина индустриальных рабочих Венгрии вернулась к крестьянскому труду и образу жизни в свободное от основного занятия время [12, p. 52]. Люди оценивали политическую реальность в непосредственной зависимости от материального благосостояния. Снижение его - даже незначительное - могло легко стать источником недовольства в обществе. Так вскоре и случилось.

К рубежу 1970-1980-х годов важнейшие структурные преобразования восточноевропейского общества были завершены, оно превратилось по социальным показателям в промышленное и городское. Доминировали два социокультурных типа - массовый, "обывательский" и элитарный, "интеллигентский". Первый из них стал основой общества "домашнего социализма" с преобладанием неотрадиционалистских образцов [13]. Форсированная индустриализация, в итоге, обернулась "форсированным традиционализмом" [14, p. 110].

Производная от крестьянской ментальность, утвердившаяся в 1970-е годы в Восточной Европе, ориентировала на стабильность жизненного уклада, зажиточность, самообеспечение, на теневые механизмы удовлетворения потребностей и неформальные формы общения в кругу близких людей. Небывалая по темпам урбанизация сформировала тип нового горожанина, для которого понятие "быть" нередко отождествлялось с понятием "иметь" [15, s. 52]. "Вещизм" и "аморальная семейственность" сочетались у него с политической апатией и смирением, одобрением государственного патернализма и уравнительной справедливости [16].

Доминирующую ориентацию восточноевропейского общества конца 1970-х гг., связанную с семейной и личной жизнью, материальным благосостоянием называют "малой стабилизацией". Она основана на противопоставлении себя внешнему "миру институций", необходимости защиты от него. Ценности приватно-стабилизационные и семейно-групповые традиционно близки восточноевропейским народам. Именно они и стали опорой теряющего силу коммунистического режима, модернизационный потенциал которого иссякал.

Практически единственным фактором, несколько послевоенных десятилетий дифференцировавшим ценностно-мировоззренческие представления восточноевропейцев, оставался уровень их образования. Исследование 1969 г. показало, что ценностные ориентации определяются всего двумя показателями - уровнем образования и социальным происхождением [17, s. 245]. Последнее теряло значение с появлением второго поколения интеллигенции десятилетия спустя. Только принадлежность к высокообразованному слою формировала ощутимые различия взглядов и отношений, образа жизни. Восточноевропейское общество, пройдя путь соцмодернизации, фактически состояло из двух "классов" - имевших высшее образование и не имевших его.

Неудивительно, что эрозия сложившейся в 1950-е годы ценностной системы началась под влиянием не социальных, точнее социокультурных, а еще более определенно - социально-образовательных сдвигов. Восходящие социально-образовательные перемещения в основном завершились к середине 1970-х годов: новое качество восточноевропейского общества возникло под влиянием крупногородской урбанизации и образовательной революции. В итоге начала распадаться полутрадиционная система ценностей, четверть века стабильно незыблемая и монолитная. Основу этой системы составляли образцы поведения, интересы, отноше-

ния "посткрестьянского" и "постаристократического" типов, характерные для генетически близких "нового" рабочего класса и "новой" интеллигенции.

Пути "простого" человека и человека "образованного" стали расходиться. Первый представлял маргинализированную крестьянскую культуру, перенесенную в городскую среду. Для "новых" горожан с их рутинной повседневностью, "мещанско-обывательскими" стратегиями и возрастающей ориентацией на материально-вещную сторону жизни переход к обществу массового потребления обернулся формированием позднесоветской версии мелкобуржуазности. Неотрадиционализм 1970-х годов нашел одно из проявлений в необуржуазном стиле жизни и способе мышления, в стремлении к материальному обладанию, к потреблению, в том числе как фактору престижа. Уровень дохода, а уже не образования, все чаще выступал символом социального продвижения и успеха.

Альтернативу мелкобуржуазности составлял в те годы стиль жизни интеллигенции, особенно высокообразованной. Престижные символы, связанные с обладанием, для нее по-прежнему были менее значимы, чем ценности самореализации. Ее "просоциальная" ориентация противостояла преобладающей стратегии "малой стабилизации". Исследования показали, что две эти ориентации, стратегии жизни были взаимоисключающими: выбор одной из них, как правило, давался за счет другой [18, s. 276]. "Просоциальный" и "стабилизационный" типы культуры - современные (модернизированные) проявления "аристократической" и "крестьянской" традиций народов региона. Они воплотили восточноевропейскую версию общества массового потребления, с одной стороны, и культуру постмодерна, с другой. Интенсивное формирование обеих началось на рубеже 1960-1970-х годов с переходом к постиндустриальному этапу.

Этот глобальный по масштабам переход связан с ослаблением значения экономических целей, материалистической мотивации и устремлением человека к достижению "внутренних" целей личностного развития. Осознание им своей самооценности радикально меняет направленность эволюции современного мира. Восточная Европа не остается в стороне от охватившей Запад подлинной культурной революции, неотделимой от революции образовательной, или бума высшего образования. На востоке Европы культура постмодерна утверждается в среде городской молодежи, принадлежащей к традиционной интеллигенции. Здесь возникает уникальный синтез традиции и постмодерна, ставший, на наш взгляд, главным социокультурным итогом восточноевропейского пути периода социализма.

В 1970-е годы совершается своего рода антимодернизация, связанная с реставрацией "естественных" форм социальности, в Восточной Европе - привычного жизненного уклада и сознания людей в изменившемся за годы индустриализации мире. Принесенные извне образцы повсеместно сменяют национально-специфические модели развития, опирающиеся на собственные моральные и институциональные ресурсы. Поскольку социалистический проект консервативной модернизации мало изменил глубокий пласт духовных ценностей народов региона, к концу второго этапа послевоенного развития национально ориентированные стратегии, основанные на неотрадиционалистском фундаменте, достигли здесь своего максимума.

Подчеркну: на протяжении последних двух столетий культура восточноевропейского модерна утверждалась преимущественно на литературной основе. Литературоцентризм всегда составлял неотъемлемую часть российской модернизации, как и развития по "советскому образцу" в Восточной Европе. Книжный эталон жизни сформировал "народную" интеллигенцию с ее нравственной мотивацией, навеянной литературной классикой, завышенными ожиданиями и надеждами.

Для Восточной Европы 1970-х годов перестройка мироотношения, обозначаемая как постмодернизация, была так же реальна, как для западного мира: второе послевоенное поколение "домашнего социализма" породило большой контингент "нематериалистов". В молодой восточноевропейской интеллигенции реализовалась специфика "неэкономического" типа развития стран соцсистемы. Попытка сделать свободное время основой развития и самовыражения личности нашла благодатную почву в среде крупногородской интеллигенции - "преимущественно культурном и идеологическом феномене, но не экономическом и технологическом, как на Западе" [19, p. 68]. Восточноевропейское общество дало миру образец "человека постмодерна", опередив западное, двигавшееся к той же цели более тривиальным путем, - через наращивание уровня материального благосостояния и расширение гражданских свобод.

Сложные связи традиции и современности, не сводимые к противопоставлению, на рубеже 1970-1980-х годов породили 30-летнего городского интеллигента, явно опережавшего время. В основе мировоззрения и чувства безопасности, его сформировавшего, находилось доверие, даже доверчивость к окружающему миру. Как и западный сверстник, он вырос в период

стабильного улучшения условий жизни, уверенный в перспективах роста своего благополучия. В опыте этой генерации воплотилось и недавнее доиндустриальное прошлое, и наступающее постсовременное будущее, дав ослепительный, короткий всплеск духовной энергии - историко-культурный феномен "социалистического постмодерна". Этим эмоционально-символическим всплеском преимущественно в сфере культуры и в политике завершилась эпоха восходящей социальной мобильности, начатая в странах региона преобразованиями рубежа 1940-1950-х годов.

Ко второй Великой трансформации привел период перестройки, фактически стартовавшей в середине 1970-х годов. Тогда в общественную жизнь входят молодые постматериалисты. Утверждается модель социализма, названная польским социологом Я. Стршелецким "лирической". Семидесятые годы получили в Польше и определение "технократического патристического сентиментализма" [20, s. 39], - возрождения традиционного образа нации как культурного единства, обычно олицетворяемого писательской интеллигенцией. На этой "почве" и возникло протестное движение Солидарность, по определению Я. Курчевского, не восстание отчаявшихся, а революция тех, чьи мечты не были реализованы [21, p. 29].

Интересно, что стремление повысить уровень жизни в то время не выразилось, как можно было предположить, в росте материалистических установок восточноевропейцев. Распространенность их в Польше осталась даже ниже, чем в странах с более высоким уровнем благосостояния и стабильной экономикой: Франция, Великобритания, Дания, Швейцария, Германия, США. Дело здесь не столько в удовлетворенности материальных потребностей поляков, сколько в сознании защищенности и безопасности - экономической и физической в условиях бесплатных образования, здравоохранения, гарантий занятости и проч. На начало 1980-х годов в Польше доля лиц с постматериалистическими ориентациями одна из максимальных на фоне передовых стран Запада (15-16%), чуть ниже Голландии (21% в 1982 г.) и Швеции (17% в 1975 г.) с их самой развитой системой социального обеспечения. Причем мировоззрение жителей именно крупных польских городов отличалось нематериалистическим складом [22, s. 152-153, 158-159].

Период исчерпания проекта модернизации "по советскому образцу" по-прежнему рождал массовые и далекоидущие устремления - материальные и духовные, - ожидания грандиозных перемен. Восточноевропейское общество, только пережившее мощные социальные перемещения, сильно маргинализированное, продолжало жить энергией восхождения, объективных возможностей реализации которой уже не было. В этих условиях на фоне очередной смены поколений социальную мобильность сменяет мобильность культурная. Весь опыт 30-летней восходящей мобильности, связанной с социалистическим модерн-проектом, нашел завершение в неповторимом "ценностном фоне" бархатной революции - гуманистическом, возрожденческом.

Молодая интеллигенция с нонконформизмом, нематериализмом, стремлением к демократизации общества не укладывалась в рамки "домашнего социализма", спокойной, относительно обеспеченной обывательской жизни. Эмоциональный политический романтизм, идеалы справедливости, человеческого достоинства, национальной солидарности, стали в те годы главной чертой восточноевропейской интеллигенции. Новое дыхание получил этос интеллигенции, казалось, давно угасший.

И с завершением социально-экономической модернизации общества традиционные ценности: семейные, религиозные, национальные, - сохраняли для восточноевропейцев (прежде всего, поляков) первостепенное значение. То, что Польша первой в "восточном блоке" отказалась от системы советского типа, связывают не столько с приверженностью ее граждан современным ценностям, сколько, напротив, с ростом значения ценностей традиционных [23, p. 29]. Выразителем их и выступала интеллигенция.

Молодой высокообразованный горожанин того времени все сильнее отличался от "простого" восточноевропейца, предпочитающего частно-стабилизационные ценности и стратегии, тихое существование в "теневой" сфере жизни. Нарождающемуся буржуазному стилю жизни рабочих и крестьян интеллигенция противопоставила культуру иного рода, ориентированную на идеалы духовности и традиции аристократии. Даже первое массовое поколение национальной интеллигенции воспринимало себя первопроходцем постматериалистического будущего человечества. Своим примером и короткой, вскоре оборвавшейся социальной биографией, оно пыталось доказать миру, что между материальным благополучием и человеческим счастьем нет прямой зависимости. Интеллигенция на некоторое время вернула восточноевропейскому обществу идеалы романтизма и гуманизма, выступив с эмоциональной критикой социальных последствий форсированной модернизации "советского образца". Между

протестными волнами, инициированными чешским образованным классом в 1968 г., польскими 1980-1981 годами и героико-романтическим финалом консервативной модернизации - революциями 1989 г. - пролегал несостоявшийся путь традиционной интеллигенции к власти. Этот путь привел ее вместе со всем восточноевропейским обществом в конце XX в. к третьему - постсоциалистическому, или капиталистическому - этапу развития, покончившему с исповедовавшимися ею ценностями и идеалами.

В новой реальности, сложившейся в результате рыночных преобразований, началась форсированная "материализация" сознания народов региона. "На фоне доминирования материалистических целей все другие ценности превратились во второстепенные и подчиненные" [24, p. 36]. Неэкономические, культурные ориентиры утратили для восточноевропейца самостоятельный смысл и значение. Интерес к политике и участию в общественных делах угасал в условиях падения значимости постматериалистических установок. Установилась линейная зависимость между финансовой ситуацией и отношением человека к демократии и свободному рынку [25, p. 321].

Материалистические ценности пробивали себе дорогу за счет ценностей гуманистических, социальных, национальных, поколенческих, гендерно-ролевых и других. Доля постматериалистов в 1990-е годы сократилась до минимума (в Польше - до 6,2%) и стабилизировалась [26, s. 158-159]. Материализация сознания стала практически сплошной. Европейское сравнительное исследование начала прошедшего десятилетия зарегистрировало минимальное стремление к самореализации в труде в Польше - авангарде посткоммунистической трансформации [27, p. 140, 151, 164].

Общественный слом болезненно отразился на экономическом положении и духовном состоянии восточноевропейского человека. Народы региона, в большинстве относящиеся к "малым", с развитым национальным самосознанием всегда обладали коллективистским мышлением и романтическими наклонностями. Прагматическая трансформация означала для них реальную смену национально-культурного типа. В начале 1990-х годов люди ясно ощутили утрату ценностного фундамента существования.

Ни рабочие крупных предприятий, составлявшие костяк польской Солидарности, ни опекавшиеся государством крестьяне, ни обладавшая в прошлой общественной системе привилегированным положением интеллигенция - то есть ни "простой", ни "образованный" человек - не ожидали столь радикальных перемен. Они стремились к улучшению существовавшего строя, превращению его в более справедливый, более материально благополучный, но близкий и узнаваемый, с теми же правилами поведения, нормами, нравственными принципами.

Перемены на рубеже 1980-1990-х годов в странах региона были столь велики, что у "простого" человека возникал вопрос: "а есть ли жизнь после перехода?" [28]. Для "образованного" восточноевропейца жизнь если не закончилась, то преобразилась до неузнаваемости. Социальная дезинтеграция большого отряда интеллигенции обрела решающее значение в формировании новой модели развития и структуры общества, коренном изменении его духовного облика, менталитета народов. Упадок традиционной интеллигенции связан с так называемым демонтажем коммунизма, но и с демонтажем, преодолением досоциалистического прошлого региона. Оба этих периода к концу прошлого века слились в единый исторический процесс. Наследие социализма можно было отделить от контекста истории его "строительства" лишь теоретически [29, s. 43].

В первой половине 1990-х годов поддержка либерализации определялась главным образом экономическими успехами индивида [30, p. 190]. Но следующим по значимости фактором позитивного отношения к реформам был образовательный. Высокий уровень образования определял идеологический выбор так, как никакой другой социальный показатель. На фоне прочих статусных параметров образовательные характеристики оставались практически единственной детерминантой взглядов и действий восточноевропейцев. Интеллигент выступил вдруг наиболее решительным и последовательным сторонником свободного рынка. Это составляло специфику посткоммунистической Восточной Европы, объяснение которой можно найти в интенсивных процессах "психотрансформации" в среде интеллигенции.

Массовая носительница идеалов романтизма и символизма, двухвековой дворянско-аристократической традиции восточноевропейская, особенно польская (и российская) интеллигенция пережила беспрецедентный сдвиг в ментальности, жизненных ориентациях, ценностях. В условиях, когда рынок поставил в крайне невыгодное положение крупную группу людей с неэкономическим сознанием, ориентирующихся на духовные начала существования, ключевое значение для них приобрела "интеллектуальная гибкость". От способности к ней,

как установили социологи, теперь зависела величина семейного дохода [31, р. 62]. Для традиционной интеллигенции подобная смена типа ментальности равносильна социальной гибели. 1990-е годы определяются восточноевропейскими гуманитариями как мучительное завершение исторического, цивилизационного цикла. Основным смыслом этой драмы сводился к угасанию в Восточной Европе духовной парадигмы общества доиндустриального, традиционного типа. Социалистическому модерн-проекту был предпочтен капиталистический, а интеллигента с авансены общества вытеснил мелкий частник и расчетливый обыватель, способный воспользоваться плодами общества массового потребления. Значительная часть польской интеллигенции впервые за полутора вековую историю начала ориентироваться на индивидуальный финансовый успех, отказавшись от традиционной роли носителя национальной культуры, духовного авангарда нации [32]. Восточноевропейский капитализм предоставил интеллигенции достаточные возможности реализации знаний в частной сфере, формирования нового социального статуса. Образованный класс в среднем возможно выиграл от трансформации по уровню доходов, однако его внутренняя экономическая, социальная и культурная дифференциация оказалась не менее жесткой, чем общества в целом.

Уже начало 1990-х годов принесло свидетельства трансформации облика восточноевропейской интеллигенции. По сравнению с концом 1970-х годов, по польским данным, интеллигенция стала более авторитарной и конформистской. Эти качества связывают с ранее нехарактерным для данной группы беспристрастным, прагматичным отношением к происходящим изменениям. Для нее становилось очевидным, что утверждающийся капитализм требует перемен в поведении и сознании, подчинения нормам и принципам, отличным от социалистических. Образованный класс стал стремиться передать потомству конформистские стандарты поведения, ориентации, ценности. Подобная перемена на объяснима только чувством пониженной безопасности или угрозы, наоборот. Польская интеллигенция испытала кульминацию "великого страха" за свое существование в начале 1980-х годов, после введения военного положения в стране [30, с. 140-143]. Фактически тогда и начался социальный закат этой "базовой" для социалистической модернизации группы, связавшей в Восточной Европе традиционную и современную цивилизации.

Пройдя кризис 1980-х годов, интеллигенция адаптировалась не к мифологии, а к реальности новой общественной системы. Но это была "дважды новая" интеллигенция, совсем далекая от дворянско-аристократического прообраза. Она из вечного оппонента власти превратилась в класс хорошо оплачиваемых интеллектуалов. Исследования начала 1990-х годов свидетельствовали о тесной связи уровня образования и социального статуса с высокими доходами и большей склонностью к конформизму [33, р. 6]. Сохранив профессиональную функцию, образованный класс отказался от прежде традиционной функции посланничества. "Осовременивание" этого класса сопровождалось утерей обществом потенциала постмодерна и постматериализма. А феномен социалистического постмодерна и его социальный носитель - интеллигенция, - превратились в достояние истории.

Возможно последний раз "образованный" человек выступил в авангарде перемен, в начале 1990-х годов прагматично встав на позиции "авторитарного консерватизма", в то время как для "простого" человека еще были характерны противоположные ориентации. Он оставался сторонником пропагандированного образа открытой и демократичной капиталистической системы, равных возможностей социального достижения. Поэтому естественно - менее характерное для "образованного" человека - нарастание беспокойства "простого" человека, "разбуженного и испуганного капитализмом". Утерявший гарантии безопасности и ищущий себя в новой действительности, последний не только увидел, но и понял, наконец, что есть чего бояться, лишившись "щита и меча" авторитаризма [34, с. 90, 143].

Для итогов двух "модернизирующих трансформаций" Восточной Европы показательны исследования А. Фирковской-Манкевич 1995 г. [35]. Каждый второй поляк действительно воспринимал тогда понятие "успех" прежде всего в финансово-экономических категориях. Причем ориентированные на благосостояние отрицали ценности личностной самореализации. Это пессимисты, не удовлетворенные материальным положением. Большинство этой группы составляют мужчины среднего возраста из сел и небольших городов, с невысоким уровнем образования, рабочие или крестьяне. Напротив, ориентированные на самовыражение, стремящиеся воплотить в жизнь мечты, планы, амбиции отрицают "материалистическое" представление об успехе. Эта группа, во многих отношениях зеркальная противоположность первой, состоит из молодых высокообразованных специалистов. Они оптимисты, идущие на риск и уверенные в себе и в будущем успехе.

Две группы, выявленные польским социологом, символизируют два традиционных социокультурных полюса восточноевропейского общества. Один из них - "массовый", или "простой" человек, обыватель, часто с переходным статусом, находящийся на полпути от аграрного общества к индустриальному и ориентированный на относительно невысокое, но стабильное благосостояние семьи, на частную жизнь. Его пессимизм оправдан: по сравнению с периодом "домашнего социализма" его положение ухудшилось.

Другой социокультурный полюс образуют "элитарные слои", новая поросль образованного класса. Вопреки экспансии прагматизма, опять появилась плеяда молодых постматериалистов, напоминающих первое поколение массовой интеллигенции конца 1970-х годов, их родителей. Насколько надежды на будущее следующего поколения "образованных" - второе или третье - оправдаются, не повторит ли оно ошибок отцов, "поколения Солидарности", покажет ближайшее десятилетие.

Слишком слаб в Восточной Европе нравственный, культурный фундамент "буржуазности" в отличие от укорененной, идущей от феодально-аристократической традиции тяги к образовательным ценностям и карьере высококвалифицированного специалиста, интеллигента, управленца, госслужащего. Образовательная ориентация действительно является для народов региона "исторической", "базисной". В условиях бума высшего образования с культом учебы в 1973 г. около 46% родителей в Польше стремилось, чтобы их дочь поступила в вуз, 35% - сын. В 1996 г. - после шоковой терапии и несмотря на нее - эти показатели достигли соответственно 63% и 60%, в 1999 г. - 70% и 65% [36, s. 140]. Образовательная мобильность всегда составляла "стержень" восточноевропейского пути развития.

"Революция потребителей", либеральная трансформация радикально изменили вектор восточноевропейского развития. Благоприятную почву этот процесс нашел среди людей с переходным статусом, несоответствием культурных и социальных характеристик, без определенного мировоззрения. Численность их резко возросла в ходе форсированной модернизации, индустриализации и деиндустриализации, роста и упадка рабочего класса, появления массовой интеллигенции и ее распада. Стремление "нового" городского образованного класса к самовыражению, распространившись в условиях перехода к постмодерну, было канализировано в материальную плоскость. Потребление превратилось в кратчайший и самый верный способ самореализации (П. Штомпка). На фоне формирования "человека экономического" потребности духовные, или нематериалистические (постматериалистические) в 1990-е годы не только не развивались, но даже пережили явный спад. Можно сказать, что пути социокультурной эволюции Западной и Восточной частей Европы на этом историческом этапе не сблизились, как предполагалось в 1989 г., а скорее разошлись.

Близкие народам региона неэкономические принципы предали забвению. Переход к прагматизму и материализму, отказ от модернизаторской миссии интеллектуалов резко сузили духовный мир восточноевропейского человека - и "простого", и "образованного". Смена парадигмы общественного развития и падение уровня безопасности индивидов привели к мобилизации традиционных механизмов выживания и самосохранения. Однако возврат к традиционализму сошелся на этот раз с утверждением материалистической мотивации жизнедеятельности, что характерно для начальных ступеней цивилизационной эволюции. Поэтому постсоциалистический этап восточноевропейского развития стал временем частичной потери социокультурного потенциала, созданного на позднесоциалистическом этапе с его романтическими представлениями, идеалистическими ожиданиями и утопическими проектами. Попытка осчастливить восточноевропейцев догоняющим Запад ростом потребительских стандартов и гражданских свобод дала скорее противоположный эффект. Чувство счастья возникает скорее под влиянием субъективных факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kulczdr K.* Contemporary Hungarian society. Bp. 1984.
2. *Szelenyi I.* Urban inequalities under state socialism. N.Y. 1983.
3. *Slomczynski K.* Class and status in East European perspective / The transformation of Europe. Social conditions and consequences. W-w. 1994.
4. *Kiuranov Ch.* Attitudes of youth to work: the Bulgarian case // International social science journal. . 1985. №4.
5. *Mokrzycki E.* A new middle class? / Democracy, civil society and pluralism. W-wa. 1995.

6. *Connor W.* Socialism, politics and equality. Hierarchy and change in Eastern Europe and the USSR. N.Y. 1979.
7. *Chalasiniski J.* Spoleczna genealogia inteligencji polskiej. W-wa. 1946.
8. *Matejko A.* Social incongruence in the Polish intelligentsia // Social research. 1966. № 4.
9. *Chalasiniski J.* Przeszlos'c i przyszlos'c inteligencji polskiej. W-wa. 1958.
10. *Ziolkowski M.* Inteligencja polska na rynku pracy // Ruch prawniczy, ekonomiczny i socjologiczny, 2000. №1.
11. *GellaA.* The life and death of the old Polish intelligentsia //Slavic review. 1971. № 1.
12. *Bruszt L.* "Without us but for us?" Political orientation in Hungary in the period of laie paternalism // Social research. 1988. № 1-2.
13. См.: *Вишневецкий А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М. 1998.
14. *Marody M.* On Polish political attitudes // Telos. Fall 1991. № 89.
15. *WasilewskiJ.* Spoteczenstwo polskie, spoteczenstwo chlopskie // Studia socjologiczne. 1986. № 1.
16. *Tarkowska E., Tarkowski J.* Social disintegration in Poland: civil society or amoral familism? // Telos. №89. Fall 1991.
17. *Koralewicz-ZebikJ.* System wartosci a struktura spoleczna. Wr. 1974.
18. Spoteczenstwo polskie przed kryzysem w s'wietle badan socjologicznych z lat 1977-1978. W-wa. 1987.
19. *Slamenova S.* Work values shift tendencies during the post-communist transformation / The European value system. W-w. 1999.
20. *Jerschina J.* System wartosci mlodych robotnikow i inteligentow // Kultura i spoleczerstwo. 1983. №2.
21. *Kurczewski J.* The old system and the revolution // Sisyphus. Sociological studies. Vol. III. W. 1982.
22. *Siemienska R.* Spoteczenstvo polskie wobec wartosci materialistycznych i niematerialistycznych w perspektywie miedzynarodowej // Studia socjologiczne. 1988. № 4.
23. *Ziolkowski M.* On the diversity of the present: suspended between tradition, the legacy of socialism, modernity and postmodernity // Polish sociological review. 1998. № I.
24. *Zioikowski M.* With or against the tide? Changes in the interest and value orientations of the Polish society in the systemic transformation / Values and radical social change. W-w. 1998.
25. *Bodio T.* Psychology of transformation: from romanticism to pragmatism / Poland in transition. W-w. 1999.
26. *Oswajanie rzeczywistosci.* W-wa, 1996.
27. *Savicka A.* Economic performance and work ethic: the comparison of European countries / The European value system. W-w. 1999.
28. *Marody M.* Post-transitology, or is there any life after transition? // Polish sociological review. 1997. № 1.
29. *Mokriycki E.* Nowa klasa srednie? // Studia socjologiczne. 1994. № 1.
30. *Slomczynski KM., Janicka K., Zahorowski W.* Mental adjustment to the post-communist system in Poland. W-w. 1999.
31. *International sociology.* 2000. № 1.
32. *Zid-tkowski M.* Inteligencja polska na rynku prace // Ruch prawniczy, ekonomoczny i socjologiczny. 2001. №1.
33. *International sociology.* 1997. № 2.
34. *Mach B.W.* Transformacja ustrojowa a mentalne dziedzictwo socjalizmu. W-wa. 1998.
35. *Firkowska-Mankiewicz A.* Successful life, and what it means for contemporary Poles: the socio-demographic and psycho-social context // Polish sociological review. 1997. № 4.
36. *Jak zyja polacy.* W-wa. 2000.